

Язык и реальность (на примере текстов А. Введенского)¹

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 1999

I

(1) *Но я видел, видел, как он превратился в медведя!* (Е. Шварц)

(2) *Дуэль превращается в знаменитый лес.* (А Введенский)

С точки зрения окружающей человека действительности и его практического опыта, обе указанные трансформации оказываются одинаково нереальными, но различия между ними представляются весьма существенными. Первая воспринимается как “возможная невозможность”, вторая — как нечто совершенно абсурдное. Дело даже не в том, что оборотничество, о котором говорит Е. Шварц, находит свое отражение в мифологии, фольклоре и литературе, а превращение, описываемое А. Введенским, вполне окказионально и не имеет аналогов, и не в различии набора морфологических категорий существительных, денотаты которых обращаются один в другой, — здесь скрывается нечто гораздо более глубокое. *Превращение*, скажем, (3) *камня во дворец* или (4) *гребня в лес* представляется гораздо более близким к (1), чем к (2), хотя морфологические разряды (одушевленность/неодушевленность) существительных в (3) и (4) совпадают с теми, которыми обладают существительные в (2).

В (1) человек и медведь принадлежат к одному семантическому разряду, входят в одну ЛСГ с общим признаком “живые существа”. Даже существительные из примеров (3) и (4) могут сопоставляться с (1) по признаку “материальность”, “предметность”², и превращение человека, например, в камень не кажется абсурдным². Все названные существительные объединены в общей семантической парадигме предметности, и возможности трансформаций в пределах этой парадигмы оказываются чрезвычайно широкими (хотя, конечно, определенные ограничения существуют и здесь). В (2) существительные входят в совершенно разные парадигмы, различаясь по такому основополагающему признаку, как материальность/нематериальность. Назовем трансформацию (1) “нарушением реальности”, а (2) — “нарушением семантики”.

Можно найти множество “нарушений” второго типа в текстах А. Введенского, для которого одним из важнейших был вопрос о соответствии окружающего нас мира и языка, которым этот мир описывает-

¹ Статья написана в 1994 году.

² Речь, естественно, идет об определенных типах текстов, в которых подобная трансформация представляется реальной или возможной.

ся, о детерминированности языком сознания, лишенного способности воспринимать действительность. Позволим себе привести достаточно пространную цитату из письма А. Введенского, которая, на наш взгляд, может служить не только эпиграфом к настоящей статье, но и к любому исследованию творчества этого автора: "... Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть плечо надо связывать с четырех. Я делал это на практике, в поэзии и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много, и у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит, разум не понимает мира"³.

Завершая несколько затянувшееся вступление, заметим, что данная работа не претендует на сколько-нибудь полное изучение поэтики А. Введенского и даже какого-либо ее фрагмента; тексты данного автора дают нам материал для размышлений над некоторыми аспектами проблемы, вынесенной в заголовок настоящей статьи. Подчеркнем при этом, что рассматриваемые тексты будут подвергнуты прежде всего лингвистическому, но не литературоведческому анализу.

II

В различных работах, посвященных творчеству А. Введенского, обращалось внимание на такие особенности его языка, как употребление "семантически несоединяемых сочетаний", "семантический распад", "сочетание семантических единиц без прямой связи в плане содержания" [9, с. 7-9], "семантическая бессмыслица" [4, с. 166]. Постараемся привести некоторые наиболее часто встречающиеся типы таких "нарушений". Предлагаемая ниже классификация является в достаточной степени условной, никоим образом не претендует на абсолют, но удобна при решении тех задач, которые мы ставим перед собой в данной работе⁴.

³ Все цитаты из текстов А. Введенского приводятся нами по изданию: А. Введенский. Полное собрание сочинений в 2-х томах. М. 1993. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация автора.

⁴ Примеры взяты нами из драматических произведений А. Введенского "Кругом возможно Бог" ("Священный полет цветов") и "Елка у Ивановых", а также стихотворения "Мне жалко, что я не зверь..." ("Ковер-гортензия"). Указанные тексты отличаются друг от друга и по жанру, и по содержанию, и по времени написания. Их, как нам кажется, объединяет своеобразное отношение их автора к языку, его размышления над сущностью слов и способами их связи с вещами.

1. Однородные члены. В ряд однородных членов включаются имена, которые при “нормальном” использовании языка в этот ряд включаться не могут. Например:

(5) *Люди бывают разные: трудящиеся и праздные, сытые и синие, мокрые и высокие, зеленые и глаженные, треугольные и намаженные.*

(6) *Кто ты, родственник небес, снег, бутылка или бес?*

(7) *... Я перун или география.*

2. Сравнения.

а) сравниваются предметы и явления, не имеющие общего основания для сравнения:

(8) *Часы идут, как осетровый хряц;*

(9) *Толпа, как Лондон, зарычала.*

б) сравнение проводится по приписываемому имени атрибуту, при этом качество, выражаемое атрибутом, не может быть в реальном мире присуще стоящему за именем денотату:

(10) *Ты (девушка — Д.Г.) глупа, как лодка;*

(11) *Блестит, как смех, ее фигура.*

(12) *Ты окончишь путь, рыгая, как пальмы и лото.*

3. Сочетание прилагательного с существительным. Имени приписываются те атрибуты, которые не могут быть присущи его денотату в действительности:

(13) *баснословный полет;*

(14) *двухоконная рука;*

(15) *географическое лицо.*

4. Сочетание наречия с глаголом. Слову, описывающему действие или состояние, приписываются характеристики, которые не могут быть приписаны действию (состоянию) в действительности:

(16) *ходить шепотом;*

(17) *улыбаться свечой.*

Число примеров можно при желании легко увеличить, можно без труда найти и другие типы семантических “нарушений”, но и приведенные, на наш взгляд, наглядно свидетельствуют об одной характерной для А. Введенского особенности: слова у него не делятся на семантические разряды, нет их различия по признаку конкретности/абстрактности, одушевленности/неодушевленности, дифференциации по родо-видовым отношениям, по единичности/множественности референтов имени. Приведем еще один пример:

(18) *Всякий камень, рыбы, птицы, стул и пламень, горы, яблоки, вода, брат, жена, отец и лев, руки, тысячи и лица, войну и хижину и гнев, дыхание горизонтальных рек занес в свои таблицы неумный человек.*

Обратимся теперь к причинам названных семантических “нарушений”, вернее, к тому, как они могут быть интерпретированы. Речь идет именно о возможных интерпретациях алогизмов А. Введенского, а не о пронизательной “разгадке замысла автора”. На этом пути перед нами возникает множество трудностей, вызванных тем, что, по словам Я.С. Друскина, “нельзя искать смысл бессмыслицы: смысл бессмыслицы — такая же, если не большая бессмыслица, чем сама бессмыслица” [4, с. 164]. Однако вопрос об основаниях “ненормальностей” языка А. Введенского существует; постараемся предложить возможные ответы на него.

Названные выше “нарушения” могут восприниматься как метафоры. “Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов. (...) Классическая метафора — это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в страну классов” [2, с. 8-19]. Все сказанное, казалось бы, полностью приложимо к текстам А. Введенского. Не случайно, что Н. Заболоцкий, поэт, чьи поиски в области языка и формы во многом перекликаются с поисками рассматриваемого нами автора, в определенный период даже лично близкий ему⁵, в своем открытом письме А. Введенскому пишет: “Бессмыслица не оттого, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица оттого, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную связь алогического характера. Необычайное чередование предметов, приписывание им необычайных качеств и свойств, кроме того — необычайных действий. Говоря формально — это есть линия метафоры. Всякая метафора, пока она еще жива и нова, — алогична. (...) Вы материализуете свою метафору, т.е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самооценную категорию” [6, с. 175].

Приведем, однако, возражения против восприятия “нарушений” А. Введенского как метафор. Представляется, что метафора, даже самая смелая, основывается на подобии, но не на тождественности того, что ставится друг другу в соответствие. А. Введенский же подчеркивает именно единичность различных вещей и явлений, более того, тождественность слова и обозначаемой словом вещи⁶.

Кроме того, “метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, они обеспечивают его концептуа-

⁵ Личные взаимоотношения Н. Заболоцкого с “чинарями” (и А. Введенским, в частности) были весьма сложными и разными в различные периоды, на этом вопросе мы подробно останавливаться не будем.

⁶ О трансформации слова в предмет, единичности слова и предмета см. подробнее в [3, с. 83], [4, с. 165], [9, с. 25].

лизацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий” [2, с. 14]. При отрицании любых устойчивых концептов и самой системы понятий (см. приведенные выше слова А. Введенского), при отсутствии четких границ между теми или иными объектами реального мира (подробнее об этом будет сказано ниже) невозможно говорить о метафоре. Позже мы приведем еще одно возражение.

Теперь же обратимся к следующей из возможных интерпретаций бессмыслицы А. Введенского. Речь идет о пародийном использовании языка. Деформация отношений “означающее — означаемое”, особенно характерная для языка советской эпохи, становилась одним из основных источников комического в творчестве таких авторов, как, например, М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров⁷. Слова, “пустые” в плане содержания, сохранившие лишь свою формальную оболочку, разрыв слова и денотата, утеря словом своей номинативной функции — все это легко можно найти в текстах названных авторов. Но трагическая напряженность, философская глубина поздних текстов А. Введенского, на которых мы прежде всего и концентрируем свое внимание в настоящей работе, почти полное изгнание из них комизма — вот причины, заставляющие отвергнуть приводимое объяснение. Есть еще одно основание для такого возражения: слияние слова и денотата, характерное для А. Введенского, исключает возможность пародии.

Гораздо более оправданным представляется мнение о том, что, “дискредитируя механизмы языка, Введенский ставит опыт, призванный исследовать возможности детерминированного сознания, и стремится не столько к восстановлению его нормальных функций, сколько к изучению их состоятельности в более глубоком плане” [9, с. 10]. Освобождение от сковывающих сознание языковых структур позволяет А. Введенскому обрести новый опыт восприятия реальности, которая должна предстать в новом виде, перестать быть деформированной теми стереотипами восприятия и категоризации, которые задаются языком. Этой задачей определяется стремление к тотальному разрушению механизмов языка, характерное для А. Введенского.

Но при всей притягательности разрушения оно одно вряд ли может приносить удовлетворение. За любым разрушением всегда видится попытка создания чего-либо нового. Невозможно рассматривать А. Введенского только как разрушителя. Я.С. Друскин утверждал, что “бессмыслица Введенского не негативное, а позитивное понятие” [4, с. 164]. Постараемся же внимательнее взглянуть в алогизмы и семантические “нарушения” интересующего нас автора.

При огромном разнообразии типов бессмыслицы в анализируемых текстах можно выделить несколько общих черт, которые характерны для них и которые укладываются в определенную систему. Если вер-

⁷ Подробнее об этом см. в [5].

нуться к приведенным выше примерам (2), (5) — (18), то легко можно заметить, что А. Введенский не признает каких-либо семантических разрядов, рангов и категорий, вплоть до неразличения материального/нематериального. Отсутствие последней оппозиции носит у него принципиальный характер, что позволяет поэту оперировать трансформациями, например, (19) стула в победу (вспомним также пример (2)). С этим же связана материализация, овеществление слова, неразличение слова и его денотата [11, с. 399-400]. Например:

(20) ... *И тут за кончик буквы взяв, я поднимаю слово шкаф, теперь я ставлю шкаф на место, он вещества крутое тесто.*

Все сказанное выше определяет то, что в текстах А. Введенского любой предикат может быть приписан любому имени. Следовательно, невозможно говорить и о дифференциальных признаках слова, а это значит, что невозможно провести границу между словами. “Все разъято, скомкано, разбито” и спутано в один огромный клубок. Но это состояние хаоса⁸, в котором не существует такого понятия, как “несочетаемость”. Все может сочетаться со всем, любой объект может сопоставляться с другим (собственно, само понятие объекта отсутствует), возможны любые превращения. Такова картина, отраженная в рассматриваемых работах А. Введенского. Перед нами открывается реальность хаоса, не соответствующая нашему эмпирическому опыту, который отрицает хаотичность (во всяком случае, абсолютную) реального мира. Язык, описывающий хаос, воспринимается как “неправильный”, “нарушенный”, абсурдный, лишенный смысла.

Следующей чертой, характерной для языковой картины мира А. Введенского, является присущей ей соматизм, т.е. восприятие любого объекта как живого тела. Это качество тесно связано с отмеченными выше особенностями рассматриваемых текстов и прямо вытекает из них. Позволим себе привести слова А.Ф. Лосева, написанные совсем по другому поводу, но удивительно приложимые к творчеству А. Введенского: “(...) Рассуждения о соматизме гомеровского космоса окажутся ни для кого не нужными абстракциями, если мы не отметим, — и тоже в виде одного из центральных пунктов, — во-первых, жизненную насыщенность этого космоса. Он весь живой с начала и до конца, так что для него не существует ничего неорганического, но даже ничего неодушевленного. Во-вторых же, эта жизненность одинаково характерна и для космоса в целом, и для всех его отдельных областей, и даже для всех его индивидуальных представлений” [7, с. 305]. Эти же слова мож-

⁸ А.Ф. Лосев говорит об античном хаосе как о таком “состоянии бытия, где отдельные вещи тонули в этом бытии и переставали заявлять о себе в непосредственной форме” [7, с. 334]. Заметим, что хаос при этом понимается “как принцип становления” [7, с. 337].

но сказать о многих произведениях А. Введенского, особенно о “Священном полете цветов” (Кругом возможно Бог)⁹.

Из всего сказанного выше вытекает особое отношение к имени у А. Введенского. Речь идет о неразличении общих и индивидуальных имен. Рассмотрим следующие примеры:

(21) *Богу молятся неслышно море, лось, кувшин, гумно, свечка, всадник, человек, ложка и Хаджи-Абрек.*

(22) *Мужчина, пахнущий могилою, уж не барон, не генерал, ни князь, ни граф, ни комиссар, ни Красной Армии боец, мужчина этот Валтасар, он в этом мире не жилец.*

В данном случае мы можем говорить о недифференцированном употреблении общих и индивидуальных имен, характерном для всего творчества А. Введенского. При этом не индивидуальное имя выступает как нарицательное, что не так уж редко встречается в языке¹⁰, но общие имена употребляются как индивидуальные. Экстенционал этих имен образует множество, состоящее лишь из одного члена. Имя имеет один и только один денотат. Снимается вопрос о потенциальной бесконечности предметов, способных обозначаться этим именем. Интересно обратиться к списку действующих лиц в “Кругом возможно Бог”, среди которых Петр Иванович Стрикобреев, девушка, царь, метеорит, Венера, Фомин, воробей фигурируют как имена одного порядка. Соответственно, и индивидуальные имена перестают выполнять свою основную функцию — именования и дифференциации. Характерно, что в пьесе “Елка у Ивановых” все члены одной семьи имеют разные фамилии. Это обратная сторона того же самого явления, когда имя теряет способность различать и классифицировать, объединяя в группу, по какому-либо признаку¹¹.

Все названные нами особенности взаимоотношений вещи и имени в творчестве А. Введенского характерны для текстов определенного типа. “Мир, представленный глазами мифологического сознания, должен казаться составленным из объектов: 1) одноранговых (понятие логической иерархии в принципе находится вне сознания данного типа); 2) нерасчлененных на признаки (каждая вещь рассматривается как интегральное целое); 3) однократных (представление о многократности вещей подразумевает включение их в некоторые общие множества, то есть

⁹ Необходимо сделать одно замечание. Если в античном сознании космос противопоставлен хаосу [7, с. 344 и след.], то у А. Введенского они оказываются слиты, что снимает категорию одушевленности/неодушевленности, вернее, трансформирует ее достаточно неожиданным образом. Ср. одушевленные Паралич и Метеорит, живой мертвец Фомин... Впрочем, эта тема заслуживает отдельного исследования.

¹⁰ Ср., например: “Мы все глядим в Наполеоны...”, а также этимологию таких слов, как *царь* и *король*.

¹¹ Интересно, что обратную операцию с именами, в основе которой тот же принцип, продельывает Э. Ионеско в пьесе “Лысая певица”. Все члены семьи носят одинаковые имя и фамилию (Бобби Уотсон), и отличить их друг от друга невозможно.

наличие уровня метаописания). (...) Однократность предметов не мешает мифологическому сознанию рассматривать — странным для нас образом — совершенно различные, с точки зрения немифологического мышления, предметы как один. (...) Знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени” [8, с. 299-300]. Перечисленные черты мы встречаем в текстах А. Введенского, для которых характерно: 1) неразличение имени и денотата (20); 2) неразличение общих и индивидуальных имен, окружающий мир предстает как совокупность мало дифференцированных однократных предметов, носящих собственные имена (21), (22), а также: (23) *Мне страшно, что я при взгляде на две одинаковые вещи не замечаю, что они различны, что каждая живет однажды*; 3) отсутствие какой-либо логической иерархии и организации предметов мира и, соответственно, описывающих их имен (6), (7); 4) невозможность выделения отдельных характеристик предметов и явлений и, как следствие этого, невозможность выделения их дифференциальных признаков¹² (5); 5) способность предметов и явлений к ничем не ограниченным метаморфозам и трансформациям (2), (19).

Таким образом, отношение к слову А. Введенского можно определить как характерное для мифологического сознания. Заметим, что метафоричность и пародийность для этого сознания невозможны. Косвенным подтверждением высказанным соображениям могут служить напряженные религиозные размышления А. Введенского, вообще характерные для кружка чинарей, один из которых отозвался о творчестве данного поэта как о “богословии в отрицательных терминах” [4, с. 169]. Поэт предстает как демиург, творящий словом из хаоса новую реальность.

III

Н.Д. Арутюнова, говоря о семантических отклонениях от смысловой правильности высказываний, указывает следующие типы таких отклонений: 1) эмпирические или прагматические — они состоят в обозначении аномальной, не соответствующей устройству мира ситуации (“*Ехала деревня мимо мужика*”); 2) алогичные а) внутренне противоречивые (“*Жил высокий человек маленького роста*”), б) нарушающие семантический абсолют, непреложные нормы человеческого мышления (“*Упрямество думает лампу через два цветка*”) [1, с. 43]. В текстах А. Введенского можно найти все названные типы семантических отклонений. Остановимся подробнее на причинах “нарушений” в отражении языком окружающей действительности.

¹² Частным случаем этого является невозможность дать сколько-нибудь осмысленное определение или явления, на что указывает М. Мейлах [9, с. 9]. Ср.: День — это ночь в мыле; Смерть — это смерти ёж.

Вероятно, можно встретить следующие возможности такого отражения действительности языком, когда последний воспринимается как “ненормальный”: 1) действительный мир неадекватно отражается в языке (например, речь сумасшедшего); 2) ненормальная реальность не может быть выражена “нормальным” языком, она требует исказить язык, создать анти-язык. Последний вовсе не является детищем литературного авангарда, но имеет весьма древнюю природу. Именно такой язык употребляется при общении с нечистой силой, заговоре, в ритуальной бессмыслице (подробнее об этом см., напр., в [12]).

Искаженный язык, анти-язык актуализируется в сознании XX века. Для многих художников этого столетия характерно стремление привести в соответствие динамичный, постоянно меняющийся мир, который воспринимается как больной, утративший первоначально присущую ему целостность, и застывший, статичный язык, не отвечающий современному состоянию этого мира.

Различные авторы по-разному переживают неспособность языка отражать окружающий мир, но у самых разных писателей можно наблюдать констатацию разрыва слова и денотата. Означающее теряет свое означаемое. Для нашего века характерно оперирование бессодержательными знаками. Расплываются границы слова, его значение становится “пустым”. Этот процесс хрестоматийно иллюстрируется “новоязом” Оруэлла. Менее трагично выражен он в известной шутке И. Ильфа: “Не надо бороться за чистоту, надо просто убирать”. “Борьба за чистоту” превращается в борьбу за слово “чистота”, размноженное многочисленными плакатами и продолжающее тиражироваться в шумной рекламной кампании, содержание, стоящее за этим словом “опустошается”. Эта тенденция характерна не только для официальных текстов тоталитарного дискурса, но и для всей языковой ситуации текущего столетия с прогрессирующей асемантизацией слова в средствах массовой информации. О смерти слова, утрате им своих функций сказано достаточно много в литературе XX века¹³.

Процесс, о котором идет речь, находит яркое отражение в творчестве А. Введенского. Но это не просто фиксация распада языка, его неадекватности миру, смерти слова, это еще и попытка создать новый язык, в котором слову будет возвращено его значение. Язык воспринимается поэтом как стена, стоящая между миром и человеком. В полном соответствии с идеей триединства и единственности языка, сознания и мышления (см. [10]) язык, закрывающий человеку путь к “правильному” восприятию действительности, отсекает сознание и мышление от реального ее познания и принятия адекватных решений. Задача видится в

¹³ Ср. схожие образы у столь разных поэтов: “... А во рту слов разлагаются трупы...” (В. Маяковский) и “... И как пчелы в улье омертвелом, душно пахнут мертвые слова” (Н. Гумилев).

разрушении этой стены, придании языку ясности и прозрачности, позволяющей видеть действительный мир. Трагизм последних произведений А. Введенского, их пессимизм определяются, на наш взгляд, обреченностью (осознанной или нет) этой попытки на неудачу. Нельзя переделать язык посредством языка, как нельзя исправить инструмент при помощи самого этого инструмента. Все это диктует детерминированность еще одной трансформации А. Введенского: демиург превращается в разрушителя.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М. 1976.
- [2] *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. 1990.
- [3] *Друскин Я.С.* Коммуникативность в творчестве Александра Введенского // Театр, № 11/1991.
- [4] *Друскин Я.С.* Материалы к поэтике Введенского // А. Введенский. Полное собрание произведений в 2-х томах. Т. 2. М. 1993.
- [5] *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Мир автора и структура текста. Тенальф, N.-Y. 1986.
- [6] *Заболоцкий Н.А.* Мои возражения А.И. Введенскому, авто-ритету бессмыслицы. Открытое письмо // А. Введенский. Полное собрание произведений в 2-х томах. Т. 2. М. 1993.
- [7] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга II. М. 1994.
- [8] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф-имя-культура // Б.А. Успенский. Избр. труды. Т. 1. М. 1994.
- [9] *Мейлах М.Б.* “Что такое есть потец?” // А. Введенский. Полное собрание произведений в 2-х томах. Т. 2. М. 1993.
- [10] *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. № 1/1994.
- [11] *Ревзина О.Г.* Качественная и функциональная характеристика времени в поэзии А. Введенского // Russian literature. Vol. 4. № 4/1978.
- [12] *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // Избр. труды. Т. 1. М. 1994.